

Нельзя не подчеркнуть важность проблем, к которым обратился Ю. Д. Демериев: сейчас, в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране, вопросы языкового строительства становятся особенно актуальными.

В. П. Григорьев, М. И. Исаев

«Contributions onomastiques publiées à l'occasion du VI Congrès international des Sciences onomastiques à Munich du 24 au 28 Août 1958» — Bucarest, Éditions de l'Académie de la République Populaire Roumaine, 1958. 184 стр.

Рецензируемый сборник состоит из двух сообщений и семи статей, посвященных проблемам топонимики и ономастики.

Первым в сборнике напечатано сообщение члена и вице-президента Румынской Академии наук Й. Йордана «Данные лингвистической географии и румынская топонимика» (стр. 7—32), в котором исследуется совпадение лексических зон с топонимическими зонами. Исходя из положения М. Фасмера¹ о том, что население может создавать названия местностей, пользуясь заимствованными словами, автор указывает, что славянские названия местностей на территории Румынии по своему происхождению двух категорий: с одной стороны, они созданы чужим населением, а с другой — это названия местностей, созданные румынским населением путем использования нарицательных имен, заимствованных из других языков. И в том и в другом случае почти всегда существует согласованность между лексическими и топонимическими зонами. Так, в статье рассматриваются следующие топонимы славянского происхождения: *Bistrița, Crasna, Cerna, Grădiștea* наряду с *Grădiștea*, распространенными на всей территории Румынской Народной Республики.

Й. Йордан изучает также топонимы украинского происхождения, зона распространения которых охватывает Буковину, Молдавскую ССР, Молдову и северные области Трансильвании. Автор объясняет совпадение лексической и топонимической зон украинского происхождения и доказывает, что топонимические дублиеты типа *Straja — Storojineț* и *Grădiște — Horodiște* являются двумя языковыми слоями — старым южнославянским (*Straja*) и более новым — восточнославянским (*Storojineț*), а не исключительно южнославянским, как утверждают Г. Нандриш² и Э. Лозован³. Впрочем существование этих двух языковых слоев — среднеболгарского и русско-украинского — в языке молдавских

грамот XIV и XV вв. было доказано в 1910 г. акад. А. А. Шахматовым⁴.

Во второй части статьи на материале топонимов древнетюркского происхождения исследуются совпадения лексических зон с топонимическими. Тот же вопрос рассматривается и на основе топонимов татарского и османлийско-турецкого происхождения, что представляется особенно трудным, во-первых, вследствие бедности и ненадежности источников и, во-вторых, вследствие того, что между разными тюркскими языками существуют такие незначительные различия, что лишь редко можно с уверенностью сказать, является ли то или иное слово куманским или тюрко-османлийским. Топонимы тюркского происхождения, так же как и славянские топонимы, распространены по всей территории Румынской Народной Республики, но существует и несоответствие между топонимией и обычной лексикой языка, например в Добрудже. Автор совершенно прав, утверждая, что между языком какого-нибудь народа и топонимикой его страны нет никакой разницы: и язык и топонимика является продуктом исторического развития соответствующего народа. Свои основные положения Й. Йордан подкрепляет обильным фактическим материалом, тщательно подобранным и проанализированным. Надо отметить, что исследование топонимических названий требует специальных и глубоких познаний, применения надежных методов работы. Именно эти черты характеризуют как рецензируемое сообщение, так и все труды Й. Йордана в области изучения топонимии.

В статье академика Э. Петровича «Румынские топонимы славянского происхождения, в которых встречается группа „гласный + носовой“ = общеслав. *o» (с двумя картами) (стр. 33—43) исследуются в хронологическом порядке сначала некоторые топонимы, образованные румынами на основе заимствованных у славян нарицательных имен, а затем целый ряд топонимов, созданных славянами на территории Румынской Народной Республики (группы на *in, im, un, um* вместо общеславянской носовой гласной *o). Так, к первой категории принадлежат, например: *Crîngu, Dumbrava, Golumbul, Lunca* с их производными, а ко второй: *Glimboaca, Dimbova, Cimpina* также с их производными.

В результате изучения автор делает следующие выводы: 1) румынский язык сохранил фонетический облик топонимики славян в том виде, в каком она существовала до смешения славян с румынами; 2) зона топонимов с *in, im* совпадает с зоной топонимов с *št, žd* < общеслав. *tj, dj и *a < общеслав. *ž. Эта зона является зоной славянского населения, которое, по мнению автора, до его ассимиляции румынами говорило на одном славянском южноболгарском диалекте.

⁴ См. D. P. Bogdan, *Textele slavo-române în lumina cercetărilor rusești III, «Analele Romîno-Sovietice» (Istorie), № 3—4, 1957, стр. 74.*

¹ См. «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften». Philosoph.-hist. Klasse, XVIII, Berlin, 1934, стр. 365.

² См. «Slavonic and East European review», vol. XXVI, 1947—1948, стр. 606.

³ См. *ZfomPh*, Bd. 73, Hf. 3—4, 1957, стр. 309.

Автор пользуется материалами академического сборника «Грамоты, относящиеся к истории Румынии»⁵, но то обстоятельство, что топонимы из указанного сборника цитируются в славянской форме, заставляет его предполагать, что «Грамоты, относящиеся к истории Румынии» содержат славянские тексты (см.: стр. 41, примеч. 2 и 6; стр. 42, примеч. 3—6; стр. 43, примеч. 1 и 3 статьи). В действительности же этот сборник состоит лишь из румынских переводов грамот, написанных на славянском языке, а в приложениях даны многочисленные факсимиле — почти все неясные — славянских текстов. В грамоте от 16 сентября 1430 г. находим не *дѣвока*, как это указано (см. стр. 41), а *дж(м)вока*⁶ (м стоит над строчкой). Затем говорится, что форма *гѣмѣко* встречается в одной грамоте от 1520 г. (см. стр. 41), но указанная грамота сохранилась только в румынском переводе от XVIII в. Также и для формы *джмѣвѣнца* цитируется один славянский подлинник (см. стр. 42 и примеч. 5), в то время как в действительности указанная грамота сохранилась лишь в румынском пересказе. Форму *кж(м)нина* нельзя найти на 199 стр. II тома сборника, так как на этой странице имеется лишь ее перевод, в действительности же эту форму можно найти на 473 стр. того же тома. Написание *лнчани* (1407 г.) фактически представляет собой *лнчани* = *Lungeani*. Здесь для звука *ge*, *gi* употреблялся графический знак *ч* (вместо *у*), созданный лишь в середине XV в.; в том же значении *ч* = *у* встречается и в следующих примерах (вторая половина XV в. и XVI в.): *чѣнѣне*, *мѣрѣири*, *фѣччѣлѣ* (т. е. *чѣнѣне*, *мѣрѣири*, *фѣччѣлѣ*)⁷.

Общеслав. * *р* дано в топонимах, кроме групп, указанных автором, и группу на *an* (ср. андолие < *ждолие* в славяно-валашской грамоте от 18 июля 1505 г.)⁸. Для группы на *im* < * *р* можно было бы еще указать форму *големѣкоанѣ*, встречающуюся в молдавской грамоте от 27 июля 1448 г.⁹.

Из изложенного на 37 стр. вытекает, что автор отождествляет старославянский и древнеболгарский языки. Однако следует указать, что против такого употребле-

ния терминов «старославянский» и «древнеболгарский» еще в 1906 г. выступал В. Н. Щепкин¹⁰. Об этом же говорили также С. Кульбакин и Л. П. Якубинский, указывая, что старославянский язык вовсе не был языком местного значения: он был литературным языком, общим в свое время для всех славян; древнеболгарский же язык был местным языком (ср. термины «древнерусский», «древнесербский», «древнеболгарский»¹¹).

В статье И. Пэтруца «Различные названия славянских городов в румынском языке» (стр. 45—54) исследуется наличие в этом языке и в старых румынских текстах форм, обозначающих четыре больших славянских города: Москву, Киев, Львов и Краков. К сожалению, автор не использовал памятник молдавского монастыря Бистрица, хранящийся в копии со времен Стефана Великого¹². В указанном памятнике встречаем: с *Мѣ(с)кии*, с *Моск(в)и* и прилагательное *мѣсков(с)кыи*, а также с *кы(в)а* (три раза)¹³. Не учитываются некоторые источники и в отношении Львова и Кракова. Так, не указаны грамота Мирчи Старого от 1401—1403 гг., адресованная купцам города Львова, в которой находим форму *у(т) лѣв*¹⁴, и грамота Влада Дракулы от 8 сентября 1439 г., где встречаются: *кѣ лѣвока* и *у(т) лѣвока*. Не упомянуты и молдавские грамоты (на старославянском языке) от 6 октября 1407 г., от 8 октября 1408 г., от 18 марта 1434 г. и на латинском языке грамота от 28 февраля 1444 г., в которых имеются следующие формы: *во лѣвока*, *мѣстѣчаны лѣвокаго мѣста*; *до лѣвока*; *во лѣвѣт*; *сѣ лѣвока* и прилагательное *лѣвокс(в)кыи* (лишь в одной грамоте от 8 октября 1408 г.); *мѣстѣчи наѣстѣи*, *до лѣвока*; *во лѣвока* и *лѣвокачѣи*, а также *pallatini Leopoliensis*¹⁵. Что касается Кракова, то следует указать молдавские грамоты (на славянском языке), датированные 5 января 1393 г., 6 января 1395 г. и 26 ноября 1445 г. и на латинском языке грамоты от 3 февраля 1397 г., от 28 февраля 1448 г., в которых находим: *ис ону сторону Кракова*; *далеи кра-*

¹⁰ В. Н. Щепкин, Болонская псалтырь, СПб., 1906, стр. IV.

¹¹ См.: St. Kul'bakin, Le vieux slave, Paris, 1929, стр. 9; Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 83—84.

¹² См. D. P. Bogdan, Pomelnicul mănăstirii Bistrița, București, 1941, стр. 23—24.

¹³ См. D. P. Bogdan, указ. соч., стр. 51, 74 и снимок VI и его же, Pomelnicul de la Bistrița si rudenile de la Kiev și de la Moskova ale lui Stefan cel Mare, București, 1940, стр. 2 и 3, а также снимки II и III.

¹⁴ См. E. Kalužniacki, Dokumenta moldawskie i multanskie z archiwum miasta Lwowa, «Akta grodzkie i ziemskie», t. VII (odbitka), Lwów, 1878, литогр. факсимиле между стр. 8—9 и 28—29.

¹⁵ См. тексты грамот у М. Роктакексы (M. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Stefan cel Mare, II, Iași 1932, стр. 629, 630—633, 667—669 и 721).

⁵ «Documente privind istoria României», В, XIII—XV (1953); XVI (I, II—1951), București.

⁶ См. подлинник этой грамоты в Бухарестском гос. архиве (отд. Историч. наук, I, 30).

⁷ См. D. P. Bogdan, Diplomatica slavo-română, сб. «Documente privind istoria României», II, Introducere, стр. 73 и примеч. 4, 5, 8; его же, Din paleografia slavo-română, тот же сб., I, стр. 107.

⁸ См. D. P. Bogdan, Diplomatica slavo-română, стр. 70 и примеч. 15. Ср. и существующие *Andolina*, *Piscul Andoliei*, тавтологическое *Valea Andoliei* (см. I. Iordan, Nume de locuri românești în Republica Populară Română, I, București, 1952, стр. 29).

⁹ См. D. P. Bogdan, Diplomatica slavo-română, стр. 70, примеч. 17.

кова, прилагат. краковскы, а также: *capitaneus cracoviensis* и *capitanei cracoviensis*¹⁶. Нам представляется, что было бы полезным указать относительно Москвы не только форму, установленную А. И. Соболевским, но и ту, которая встречается в Лаврентьевской летописи, на что указывает в своей весьма ценной «Исторической грамматике русского языка» П. С. Кузнецов. Не говорится о том, когда появилась форма *Leopol(e)* (см. стр. 53). Несмотря на высказанные замечания, статья И. Петруца является ценным вкладом в изучение указанных топонимов.

А. С т а н в статье «К исследованию мужских имен в Долине Себеш (Альба)» (стр. 55—64) рассматривает собственные личные имена в семи населенных пунктах указанной местности (*Valea Sebeșului*) в Трансильвании. Изучение основывается на книгах актов гражданского состояния исследуемых населенных мест, из которых самые старые акты относятся к 1816 г., а самые новые — к 1868 г.

М. С а л а выступает с работой «О соотносительном развитии имен нарицательных и топонимов» (стр. 65—96); в ней исследуются фонетические, лексические и морфологические соответствия между нарицательными именами и топонимами. Исследование это основывается на мысли А. Доза о том, что фонетический облик топонимов изменяется по мере того, как изменяется и дифференцируется произношение от одного района к другому. Автор делает вывод, что топонимика дает возможность проследить исчезающие из языка формы; это весьма важно для выяснения автохтонного или заимствованного характера тех или иных слов современного языка.

В статье М. Александреску-Дерска «Происхождение имени Добруджа» (стр. 97—114) содержится гипотеза о происхождении названия провинции Добруджа (автор не признает славянского происхождения этого топонима). М. Александреску-Дерска исходит из предположения, высказанного русским ученым Ф. Бруном, о том, что деспот Добротич в XIV в., возможно, стал именоваться по имени управляемой им страны (Добруджи), вместо того чтобы дать ей свое имя. Базируясь на карте мира, вычерченной в 1154 г. известным арабским географом Идриси для Рожера — короля Сицилии (Добруджа на этой карте названа *ard. bruġan*), автор говорит об арабском происхождении названия Добруджи: араб. *ard* «земля, страна» и *bruġan* в результате метатезы — *bruġan* < *buġ* или *burd* «укрепленное место», «вал» или *bruġan* «вор». Властители *Buġan'a* могли титуловаться *Dhu Bruġan* или *Dhu Boġan*, откуда во время турецкого господства над Добруджей образовался термин *dubruġan* «житель Добруджи», а отсюда получилась позднейшая форма *Dubruġa*. К библиографии, приводимой автором (впрочем, достаточно полной), можно добавить сле-

дующие труды: А. Иширков, Името Добруджа, «Отечество», IV, кн. 1, 1917; Д. Крънджалов, Влашкият княз Мирча и Добруджа според неговите грамоти, «Годишник на Софийския ун-т». Ист.-филол. фак-т, т. 42, кн. 2, 1945—1946; П. Мутафчиев, Добруджа в миналото, сб. «Добруджа», IV, 1947, стр. 13—91; его же, Добротич-Добротица и Добруджа, тот же сборник, стр. 247—263; его же, Още за Добротица, тот же сборник, стр. 264—274. К статье Мутафчиева (цитированной автором на стр. 97) нужно добавить основательную рецензию Ст. Романского в журнале «Македонски преглед» (III, 1927, кн. 4, стр. 111—114). Также пропущено название труда Ф. Бруна, который высказал указанную выше гипотезу (см. его работу «Некоторые исторические соображения по поводу названия Добруджи», ЖМНП, 1877, сентябрь, стр. 62—77).

Работа М. Александреску-Дерска является ценным вкладом в исследование названия Добруджа, обсуждаемого как румынскими, так и иностранными учеными.

В статье Н. А. Константинеску «Соотношение между топонимами и антропонимами в румынской ономастике» (стр. 115—123) исследуется соотношение между названиями местностей и именами собственными в румынской топонимике. В статье указывается, что многие имена собственные, ставшие топонимическими, не могут быть исследованы, так как не собраны топонимы местного значения. Нам представляется, что *Hirșova* происходит не от женского имени (см. стр. 116), а от славянского имени собственного *хръсъ* > *хръсь*, означающего имя бога Солнца, которое мы встречаем и в «Слове о полку Игореве». Впрочем этимология названия *Hirșova* обсуждалась В. Богрей, П. Скоком, Э. Петровичем, Й. Йорданом¹⁷, так что по крайней мере следовало сделать указание на их работы. *Pan*, от которого происходит *Pânești*, не является аббревиатурой от *Panteleimon'a* (см. стр. 118), а имеет в своем основании западнославянское существительное *пань*. Что касается происхождения топонима *Huși*, то Й. Йордан весьма ясно доказал, что мы имеем дело с множественным числом *Huși* от имени собственного *Hus(u)* < укр. *гусь*, которое сначала было прозвищем, а затем обозначением фамилии [о библейском имени *Hus* (ср. стр. 120) не может быть и речи]. Ср. *Dumitru Gînsă* < *гъскъ* < *гъсь* в одной из молдавских грамот от 1579 г.¹⁸ Что касается названия *Adjud* (см. стр. 121), то следовало бы сначала указать его венгерскую форму *Egyed*, от которой происходит латинская форма, как это доказал еще в 1911 г. И. Нистор¹⁹. Что же касается *Leaotî*, которое автор производит от *Leu*

¹⁷ I. Jordan, Nume de locuri românești..., стр. 130.

¹⁸ См. Costăchescu, указ. соч., II, стр. 86.

¹⁹ См. вышеуказанный труд Й. Йордана (стр. 140).

¹⁶ См. М. Costăchescu, указ. соч., II, стр. 607, 612—613, 616, 721 и 729.

(см стр. 122), то недавно акад. Э. Петрович доказал, что это название является более новым вариантом от уменьшительного имени *Laiotă*, происшедшим в результате афезы от первоначальной формы, также уменьшительной, *Vlaiotă* = *Vlai* + суфф. *oiă* (при этом форма *Vlaiotă* ведет свое начало от *Vladislav*²⁰). Автор еще указывает, что украинское имя *Мотря* происходит от *Матроны* (стр. 123). В действительности же эта форма происходит от украинской формы *Мотроны*. В общем статья интересна, так как содержит в себе много новых данных.

Г. Ивэнеску выступает со статьей «Доиндоевропейское происхождение названий Дуная»; в ней он исследует вопрос, которым занимались очень многие румынские и иностранные ученые: Б. Хаждэу, В. Пырван, А. Филиппиде, Й. Йордан, А. Росетти, П. П. Папантеску, Н. Я. Марр, П. Снок, М. Фасмер, К. Тальявини, М. Фёрстер, П. Кречмер. Автор считает неправильной этимологию, предложенную Д. Пушкилой и В. Папахаджи, усматривающих в румынской форме *Dunăre* сложное слово от *Duna* (венгерское слово славянского происхождения) и румынское прилагательное *rea* «злая». Большинство исследователей считают, что румынское название *Dunăre* фракийского происхождения, а славянское *Дунае* и *Дунай* — готского. Исходя из сказанного Н. Я. Марром в его работе «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры»²¹, Г. Ивэнеску утверждает и доказывает, что формы *Дунай* и *Dunăre* грузинского происхождения: груз. *mdinare* дало

рум. *Dunăre* или, точнее, фрак. **Donaris*. Подобную же гипотезу высказал итальянский археолог П. Л. Замботти. К обширной библиографии автора следует добавить работу А. И. Соболевского «Русско-скифские этюды»²² и статью П. Я. Черных «О некоторых старых названиях рек»²³. Статья Ивэнеску кажется нам особенно интересной. Она, несомненно, вызовет дискуссии в связи с новизной высказанных предположений.

Последней по порядку является работа И. Коне и И. Доната «К изучению печенегско-куманской топонимики на румынской равнине Нижнего Дуная». Предметом исследования являются названия вод, оканчивающиеся на *-ui* или *-lui*, которые обычно считаются куманского происхождения. Этим вопросом занимались и другие ученые: Г. Вейганд, В. Богря, К. Дикулеску, А. Филиппиде, И. А. Кандря, Н. Дрэгану и Й. Йордан. Авторы устанавливают 53 таких названия, из которых 34 не были до настоящего времени выявлены. Все они куманского и печенегского происхождения. В тех же областях, в которых находим топонимы, оканчивающиеся на *-(l)ui*, встречаются и другие топонимы того же происхождения, но с другими суффиксами, как, например, *Jazurcea*, *Mirza*, *Caraitan* и т. д. Сборник заканчивается указателем топонимических и ономастических названий.

Взятый в целом, рецензируемый сборник (редакционный комитет его состоит из академиков Й. Йордана и Э. Петровича и секретаря М. Сала) является чрезвычайно ценным вкладом румынских ученых в дело изучения топонимики, а частично и ономастики на территории Румынской Народной Республики.

Д. П. Богдан

²⁰ E. Petrovici, Numele de persoană Laiotă în toponimiă românească, «Romanoslavica», III, București, 1958, стр. 17—20.

²¹ «Сообщения ГАИМК», I, Л., 1925, стр. 37—70.

²² ИОРЯС, т. XXVI—1924, т. XXVII—1922.

²³ «Мовознавство», XIV, 1957.